

The background of the cover is a detailed illustration of a female soldier in a medical role. She is wearing a green tactical helmet with goggles that have a red cross on the lens. Her face shows signs of wear, including a small scratch on her cheek. She is looking off to the side with a serious expression. In the background, there are military vehicles on a road in a forested area.

18+

Валькирия. На линии огня.

Сергей Самборский

Сергей Самборский

Валькирия. На линии огня

<https://litres.ru/74503742>

ISBN 9785007128650

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Фельдшер реанимационной бригады Кира уходит из гражданской жизни на передовую, чтобы найти пропавшего без вести брата.

В грязи и грохоте артиллерийских дуэлей она становится «Валькирией» — медиком, вытаскивающим бойцов с того света под огнем. Это история не о политике, а о границах человеческих возможностей там, где жизнь держится на одном упорстве. Это вторая книга после «Валькирия. На линии вызова».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валькирия. На линии огня

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-2865-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Тентованный кузов «Урала» раскачивало на сухих ухабах. Июльский зной стоял плотный, тяжёлый; нагретый брезент пропускал внутрь густой раскалённый воздух, перемешанный с густой сухой пылью, которая клубилась за кормой и ровным серым слоем оседала на касках, плечах и бронежилетах. Дизель натужно ревел, пробиваясь по разбитой просёлочной дороге сквозь выжженные солнцем посадки. В кузове сидела группа пополнения — человек двенадцать солдат и я. Сидели плотно, прижавшись плечом к плечу на узких деревянных скамьях. У каждого между ног стояли тяжёлые рюкзаки, на груди темнели чехлы плитников, подбородочные ремни шлемов были затянуты. Чем ближе к переднему краю, тем отчётливее слышались глухие раскаты тяжёлых выстрелов. А в кузове всё равно не затихали разговоры.

— Слышь, Кубань, ты плитник-то подтяни! — крикнул через проход усатый боец, кивая на соседа. — У тебя нижний край едва до пупка достаёт. Прилетит осколок — чем соображать будешь?

— За своим плитником следи! — огрызнулся тот под дружный хохот. — У меня всё подтянуто, как надо. Главное, чтобы сухпай нормальный был, а с броней я сам разберусь.

Я сидела в самом углу у кабины, зажав между коленями свой тактический медицинский рюкзак. Плита на груди при-

вычно давила своим весом. В подсумках быстрого доступа на разгрузке лежали два оранжевых турникета, изогнутые аэравматичные ножницы и гемостатический бинт. Три месяца учебки научили работать на автомате — и не зря. На сухом, раскалённом до белизны полигоне нас гоняли без жалости: ползание по-пластунски в полной выкладке по пыли, наложение турникетов на время — одной рукой, в темноте, лёжа на боку. Вытаскивание мужика весом под сто килограммов в полной броне с помощью эвакуационной стропы. Пальцы до сих пор помнили жёсткие мозоли от строп и пряжек. «Урал» резко затормозил, свернув с просёлка в глухую балку под маскировочные сети, натянутые между сухими дубами. Двигатель чихнул и заглох.

— Приехали! Все на выход! — рявкнул из кабины водитель, стукнув монтировкой по металлическому борту.

Брезент сзади отёрнули. Мы вывалились из кузова всей группой, прыгая на сухую, истолчённую колёсами землю. Вокруг тянулись изрытые капониры, спрятанные под сетями грузовики, а чуть дальше, под тремя слоями толстых сосновых брёвен и насыпным дёрном, угадывался вход в командно-наблюдательный пункт батальона.

— Пополнение, за мной! Все в блиндаж, резво! — командовал дежурный боец с автоматом, указывая на низкий зев входа, закрытый тяжёлым суконным пологом.

Мы всей группой спустились по выкопанным в глине ступеням вниз, отёрнули сукно и один за другим вошли в по-

мещение. В блиндаже после уличного зноя было прохладно и сухо. Пахло сосновой корой, соляжкой и крепким заваренным чаем. На стенах, обшитых доской, висели карты, на фанерном столе стояли полевые телефоны, а в углу непрерывно шуршала рация, транслируя сухие цифры и позывные. За широким столом сидел командир батальона — майор с обветренным лицом и усталыми глазами человека, который давно не видел нормального сна.

— Товарищ майор, разрешите доложить, — отдав честь старшему по званию, дежурный боец выложил на край стола стопку наших личных дел. — Пополнение прибыло. Двенадцать бойцов и санинструктор.

Майор поднял голову, оглядел нас всех быстрым, тяжёлым взглядом и взялся за верхнюю папку.

— Выстраиваться негде, стойте у стены, — коротко сказал он и вызвал первую фамилию.

Когда дошла очередь до меня, я сделала шаг вперёд, сняла перчатку, и отдав честь, выложила перед ним своё предписание из учебного центра и тёмно-красную книжку военного билета.

— Рядовой Скоровская Кира Петровна. Гражданский позывной — Валькирия, — произнесла я строго по форме. — Семь лет фельдшером в реанимационной бригаде Скорой помощи, на выездах. Три месяца тактической медицины в учебном центре. Направлена санинструктором роты.

Майор раскрыл предписание из учебки, где чёрным по бе-

лому была зафиксирована вся моя гражданская выслуга и характеристики с полигона, затем глянул в военный билет на запись «ВУС — фельдшер».

— Семь лет на Скорой?.. В машине реанимации? — переспросил он, въедливо посмотрев на меня.

— Так точно. На линии.

Командир качнул головой, и в его сухом лице проступила сдержанная собранность. Опытный фельдшер реанимации с семилетним стажем на переднем крае был на вес золота.

— Фельдшер с линейной бригады реанимации... Это ты удачно к нам попала, Кира, — негромко проговорил он, потянувшись к авторучке. — На третьем опорнике санинструктора позавчера вывели из строя. Будешь при роте...

Он не успел дописать. Сверху, прямо над толстыми брёвнами перекрытия, воздух со свистом и треском разорвался. Звук был тонким, режущим, похожим на сплошной визг. Через долю секунды земля под ногами гулко содрогнулась. Удар! Чудовищной силы взрыв грохнул прямо над крышей блиндажа. С бревенчатого потолка густым серым облаком посыпалась сухая земля и пыль. Одинокая лампочка у карты мелко задрожала, вспыхнула и мгновенно погасла, погрузив блиндаж в непроглядную темноту, забитую едким запахом тола. В темноте зазвенело в ушах. Едкий, сухой дым от сгоревшего тола и поднимающаяся туча мелкой пыли сразу забили горло, заставляя кашлять. Новенькие мужики из пополнения от неожиданности и оглушающего удара вжались в стены

блиндажа, заслоняя головы руками. Никто не паниковал, но в темноте, без приказа, все замерли, ожидая, что будет дальше. Комбат отреагировал мгновенно. Он первым сдёрнул со стены автомат, цепко подхватил за переносную ручку рацию и гаркнул в темноту громким, привычным к бою голосом:

— Все с пополнения — оставаться в укрытии! Без команды из блиндажа не дёргаться!

Он отдёрнул суконный полог и первым выскочил вверх по глиняным ступеням в окоп. Я уже шарила по полу, нащупывая свой тяжёлый тактический рюкзак. Вскинула его на плечи, быстро проверила на груди оранжевый турникет, подтянула ремень шлема и выбежала из блиндажа вслед за командиром. Снаружи обдало палящим июльским зноем и слепящим светом. Над входом висела густая, серо-жёлтая туча пыли от разрыва, поднятая вверх сухой взрытой землёй. Воздух был горячим, пересохшим, пах сухой хвоей и жжёным металлом. С бруствера сыпалась сухая глиняная крошка. Где-то дальше по ходу окопов, за поворотом, донёсся хриплый, надрывный крик:

— Медика! Два трёхсотых! Медика сюда!

Я на ходу сбросила с плеч рюкзак, подхватила его за верхнюю транспортировочную петлю и рванула по узкому окопу на крик, перескакивая через осыпавшиеся пласты сухой земли. За поворотом, у разрушенной ниши для боеприпасов, лежали двое и один сидел. Первый, молодой боец, то что сидел, прижался спиной к глиняной стене. Оружие он выро-

нил, глаза были дикими, немигающими, из уха текла тонкая тёмная струйка крови. Он был тяжело контужен, оглушён и от шока пытался подняться во весь рост, подставляясь под возможные новые осколки. Я налетела на него сходу, с силой надавила ладонью в бронежилет, прижимая обратно к земле.

— Сидеть! Голову вниз! Вжаться в стену!

Он хлопнул глазами, словно угадав движение по губам, и остался сидеть, свернувшись калачиком у бруствера. Второй боец лежал на боку в истолчённой пыли. Левая штанина его камуфлированных брюк выше колена была разорвана, а сквозь тёмную, быстро пропитывающуюся ткань с каждым ударом сердца брызгала алая артериальная кровь. На сухом бруствере уже расплывалось густое тёмное пятно. Я упала на колени прямо в сухую пыль рядом с ним. Руки сработали на чистом автоматизме, обойдя страх. Сдёрнула с его разгрузки штатный турникет, развернула стропу и закинула её на бедренную кость — максимально высоко. Прodelа липучку в замок, со всей силы натянула стропу и начала крутить пластиковый вороток. Один оборот, второй, третий. Боец судорожно закрипел зубами, заскрёб ногтями по сухой глине окопа, но я не ослабляла нажима, пока импульсивная струя крови из раны не прекратила бить и не перешла в слабое сочение. Зафиксировала вороток в рожках, затянула белую липучку и быстро нацарапала на ней время: 12:40. Из своего рюкзака достала израильский бандаж. Опытными движениями разорвала зубами упаковку, наложила впитывающую подушечку

прямо на рваную рану, туго затянула бандаж и вдавила пластиковый рог, чтобы создать давление. Чуть дальше по окопу лежал третий боец. Он лежал неподвижно, уткнувшись лицом в землю. Я перескочила к нему, быстро повернула за лямку бронежилета, нажала пальцами в районе сонной артерии, оттянула веко. Зрачки были широкими, не реагировали на свет, пульса не было. Не стала тратить ни секунды и вернулась к контуженному парню. Кровь из уха подсыхала на грязной щеке, а из глубокой ссадины за раковиной всё ещё сочилась алая жижа. Достала из подсумка перевязочный пакет, сорвала прорезиненную оболочку.

— Смотри на меня! Не крути головой! — громко и чётко проговорила я, заставляя его сфокусировать плавающий взгляд на моём лице.

Оттянула веки: зрачки разные, левый шире правого — явные признаки баротравмы и сотрясения. Приложила стерильную подушечку к уху и затылку, туго забинтовала голову круговой повязкой через подбородок, фиксируя узел.

— Сиди ровно, дыши носом, — я плотно прижала его плечо к глиняной стене окопа. — Сиди тихо, скоро вытащим.

Артналёт прекратился так же внезапно, как и начался. Миномёты противника замолчали, сместив огонь дальше по посадке. Над окопом мелко висел горячий сухой дым, постепенно рассеиваемый летним ветерком. По ходу сообщения окопов быстро прошёл комбат. За ним шёл радист с подтянутой антенной. Майор на ходу проверял разрушения, отдавал

короткие приказы по связи и затормозил прямо над нами. Он оглядел нишу, контуженного бойца, тело у стены и замер, смотря на меня. Я сидела на коленях в сухой рыжеватой пыли. Руки были испачканы в свежей густой крови, на лбу из-под шлема проступил пот, смешанный с пылью, но движения оставались чёткими, быстрыми и абсолютно спокойными. Комбат долго смотрел на меня, потом перевёл взгляд на грамотно наложенный турникет и давящий бандаж на бедре раненого, снова посмотрел мне в глаза и тяжело, весомо уронил:

— М-да... Валькирия. Добро пожаловать в пятый батальон.

После слов комбата из балки, надрывно ревя мотором, выскочил серый, избитый осколками «УАЗ» эвакуационной группы. Машина сходу притёрлась бортом к насыпи, подняв новую тучу сухой земли. Задние створки распахнулись, и из салона выскочил боец в запылённом бронежилете.

— Давай, резво! — крикнул он, оглядывая чистое синее небо. — Долго стоять нельзя, срисуют! Где трёхсотые?

— Сюда тащите! — проорал дежурный боец из окопа.

Двое солдат поволокли по извилистому ходу сообщения носилки с парнем, у которого было перебито бедро. Я шла рядом с контуженным, помогая ему добраться до машины эвакуогруппы. У задних дверей «УАЗа» нас встретил старший эвакуогруппы — старший сержант в запылённом бронежилете, с почерневшим от июльского солнца лицом и цеп-

ким, усталым взглядом. На его рукаве виднелась белая повязка с красным крестом. Я не стала тратить время на лишние слова. Горло пересохло от пыли, но голос прозвучал ровно и сухо, как положено по уставу:

— Товарищ старший сержант, разрешите доложить. Два трёхсотых, один двухсотый. Первый трёхсотый — осколочное бедра, артерия. Турникет на верхней трети бедра с двенадцати сорока, давящий израильский бандаж поверх раны. Второй трёхсотый — баротравма, тяжёлая контузия, повязка на голове. Двухсотый — осколочное в затылок, без признаков жизни.

Старший сержант быстро скользнул взглядом по туго затянутому жгуту, проверил пальцем шею раненого, оценивая натяжение бандажа, и на секунду задержал на мне внимательный, тяжёлый взгляд. В глазах его промелькнуло сдержанное профессиональное одобрение — такую чёткую, уставную передачу данных прямо в зоне обстрела ему доводилось слышать нечасто.

— Принято, рядовой, — коротко бросил он, кивнув в сторону кузова. — Грузим!

Носилки с ранеными быстро задвинули в салон по направляющим. Следом мужики резво занесли тело третьего — того, кому помощь уже была не нужна, — и уложили на пол, прикрыв брезентовой плащ-палаткой.

— Всё, в машину! — рявкнул водитель, захлопывая створки.

«УАЗ» рванул с места, выбрасывая из-под колёс фонтаны сухой земли, и быстро скрылся в густой пыли за поворотом балки, унося раненых к стабилизационному пункту.

Я же осталась стоять у края окопа. Сухая пыль уже осела на мой шлем, на бронежилет и на лямки тяжёлого рюкзака. Я посмотрела на свои ладони. Кожа была грязной, в рыжей глиняной пыли, пальцы липли от подсыхающей чужой крови. Поискав глазами полевой рукомойник, я направилась к нему приводить себя в порядок. Так начался совершенно новый этап в моей жизни. Вроде то же самое, но теперь абсолютно в других условиях.

Глава 2

У входа в блиндаж КП, прикрепленный к стволу векового дуба, поблескивал на июльском солнце синий пластик заводского ручомойника. Рядом, чуть в стороне, стояло полное до краёв оцинкованное ведро чистой воды, а на широкой сосновой чурке, заменявшей стол, сиротливо лежал большой кусок тёмного хозяйственного мыла. Вода из краника бежала тонкой, раскалённой от солнца струйкой, отдавая привкусом нагретой пластмассы. Ладони быстро покрылись серой густой пеной. Приходилось долго и сильно тереть кожу, вычищая из-под ногтей въевшуюся глину и грязь из глубоких складок кожи — а заодно бурые пятна чужой, уже успевшей засохнуть крови. Жёсткое вафельное полотенце, висевшее тут же на колышке, пахло сухой пылью и соляжкой. Кожа на руках после мыла сразу стянулась, стала шершавой, но в голове наконец-то прояснилось. Из балки, надсадно ревя двигателем, выкарабкалась наверх водовозка. Следом за ней, поднимая тучи сухой пыли, подкатил старый «УАЗ», из которого выгрузили несколько тяжёлых зелёных термосов. Старшины подразделений уже ждали, быстро разбирая бачки с едой по своим отделениям. На открытом пространстве никто не задерживался: лишнее движение у КП всегда было плохой приметой.

— Пошли, Валькирия. Обед — дело святое, — негромко

проговорил стоявший рядом пожилой боец с густыми, подернутыми сединой усами. — Звать меня Дед, старшина твоей роты. Будем знакомы.

В жилой землянке, перекрытой в три наката тяжёлыми брёвнами, стоял густой запах сосновой хвои, земли и заваренного чая. Вдоль стен тянулись низкие нары, застеленные плащ-палатками и лапником. В центре, на снаряжном ящике, уже стоял открытый термос с ячневой кашей. Четверо бойцов из сменного караула молча орудовали алюминиевыми ложками, стуча ими по краю алюминиевых мисок. Каша, густо сдобренная жирной тушёнкой, обжигала горло. После бешеного ритма артобстрела горячая еда и пара глотков крепкого чая из эмалированной кружки действовали как тяжёлое снотворное, но расслабляться было рано.

— Дед, — пришлось отставить пустую кружку в сторону, — перед тем как люди на посты уйдут, мне нужно осмотреть своё хозяйство. Проводи в медпункт.

— Тут рядом, через два зигзага по траншее, — кивнул Дед.

Ротный медпункт оказался глубокой, надёжно укрытой землянкой в боковом ответвлении окопа. Внутри было прохладно, пахло йодом, спиртом и сухой корой. Свет от диодного фонаря выхватил из темноты аккуратные стеллажи из необрезной доски, заставленные фанерными ящиками с маркировкой. Ревизия заняла минут пятнадцать. Пришлось вскрыть каждую коробку, проверяя целостность перевязоч-

ных пакетов, сроки годности на ампулах, хранившихся в ящике с опилками, чтобы не грелись, и запасы жгутов. На фанерном столе, служившем и операционной, и канцелярией, быстро выстроились в ряд инструменты из рюкзака: скальпели, зажимы, лотки. Сверху легла чистая простыня. Теперь это место действительно напоминало рабочую точку фельдшера, а не просто склад бинтов. Я вышла обратно в ход сообщения, где солнце слепило глаза.

— Всё. Дед, пусть взводы подходят по очереди, чтобы не оголять бруствер. Смена пришла с поста — и сразу ко мне. И передай: на грязные ноги я смотреть не буду. Пусть у водовозки разуваются и моются начисто.

Первая группа бойцов появилась минут через десять. Мужики переминались, недовольно ворчали, поглядывая на часы. Кто-то пытался отшучиваться, кто-то просто молча ждал, потирая натруженные ступни. Я перебила их гул строгим голосом:

— По одному подходим, садимся на чурку у входа. Имя или позывной называем сразу.

Осмотр превратился в бесконечный конвейер из мозолей, старых шрамов и потертостей. Большинству хватало бактерицидного пластыря и совета сменить носки на сухие портянки из запасов старшины.

— Имя, боец? — я перехватила стопу очередного парня, совсем молодого, с вихрастым затылком.

— Север я... — ответил тот, не поднимая глаз. — Нико-

лай Смычков с Норильска. Вот и дали позывной.

Межпальцевые складки на его ногах были белыми, рыхлыми и покрытыми мелкими, дурно пахнущими язвами.

— Грибок, Коля. И запущенный, — диагноз прозвучал сухо. — В общую баню тебе теперь нельзя, заразишь полроты. Моешься отдельно, ботинки изнутри известью протравим. Носки свои в костер выбросишь, выдам новые. С гигиеной шутки на войне заканчиваются быстро и плохо.

Осмотр шёл долго. Я успела осмотреть практически всю роту, пока в траншее не показался очередной боец. Он шёл, припадая на правую ногу, стараясь не наступать на пятку. Когда он стянул промокший носок, под пальцами обнаружилась воспалённая, горячая опухоль. Старая водянистая мозоль лопнула, внутрь попала дорожная пыль, и теперь вся стопа была налитой, багровой и пульсирующей от глубокого гноя.

— Заходи внутрь, — я кивнула в сторону медпункта. — С таким нагноением ты до завтра не дотянешь.

В прохладной тишине землянки работа пошла быстрее. Скальпель вскрыл гнойную полость одним точным движением. Боец лишь глухо зашипел, вцепившись пальцами в край деревянных нар. Из раны хлынула густая, желтоватая жидкость. Пришлось тщательно вычищать канал хлоргексидином, промывать антисептиком и закладывать густой слой левомеколя под тугую стерильную повязку. Пока шла обработка первого, Дед привёл второго — из соседнего взвода. Си-

туация была почти зеркальной: загноившийся нарыв на подушечке стопы, высокая температура тканей и отёк, ползущий к лодыжке.

— Сидите здесь и не наступайте на повязки, — я бросила использованный материал в бак. — На ногах у вас не мозоли, а прямая дорога к хирургу. Дед, пригляди за ними. Я иду к комбату. На троих буду готовить рапорт на медсанбат.

Я поднялась по глиняным ступеням обратно к КП, сжимая в ладони вырванный из тетради листок с рапортом. В голове всё ещё стоял гул от недавнего обстрела, но теперь, когда руки были отмыты, а первый бой остался позади, внутри поселилась какая-то сухая сосредоточенность. В блиндаже штаба былолюдно. Возле карт склонились двое офицеров, в углу негромко, но часто щёлкала и шипела рация — связь восстановили, и теперь позывные сыпались один за другим. Я дождалась, пока командир батальона закончит разговор по телефону, и сделала шаг к столу.

— Товарищ майор, разрешите доложить. По результатам осмотра личного состава первой роты прошу разрешить эвакуацию троих бойцов в медсанбат.

Майор поднял голову. Он нахмурился, пробежал глазами по списку и медленно положил ручку на стол. Вид у него был такой, будто я только что попросила у него отдать половину боекомплекта.

— Валькирия, ты чего, шутишь? — голос его прозвучал глухо и недовольно. — У меня на опорниках людей в обрез.

Каждый ствол на счету. А ты мне предлагаешь троих мужиков в тыл отправить из-за мозолей? Это передовая, боец, тут у каждого ноги стёрты. Потерпят.

— Не потерпят, товарищ майор, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — У двоих — глубокое нагноение. Гной уже внутри, под кожей, пошёл к кости. В этих окопах, в пыли и жаре, через три дня у них начнётся заражение. И тогда вы получите не двух бойцов с мозолями, а двух инвалидов с ампутацией выше колена.

Я замолчала на секунду, давая ему осознать сказанное, и добавила ещё жёстче:

— А у третьего — микоз стоп в запущенной стадии: межпальцевые эрозии, вторичное инфицирование. Если он пойдёт в общую баню, заражение пойдёт по роте. Через неделю полвзвода будет нестроевым. Выбирайте: трое в госпиталь на неделю сейчас, или половина подразделения нестроевых через десять дней.

Майор долго смотрел на меня. В блиндаже стало тихо, даже радист перестал крутить настройки и замер. Командир явно взвешивал мои слова, пытаясь найти в них девичью жалость или гражданскую мягкость. Но я стояла перед ним в запылённой броне, с грязными после работы разводами на лице, и говорила о вещах, которые для меня были такими же очевидными, как таблица умножения.

— Загноение, говоришь? — он ещё раз глянул в рапорт.

— Именно. И ампутация.

Командир батальона тяжело вздохнул, взял ручку и размахисто черкнул резолюцию на листке.

— Забирай. Через час пойдёт машина за боеприпасами, посадишь своих «раненых» в кузов. Но чтоб через неделю были здесь как штык. Свободна.

— Есть.

Я вышла из душного блиндажа на свежий воздух. Световой день уже перевалил за зенит. Июльское солнце, до этого нещадно калившее балку, начало медленно сползать к горизонту, и тени от сухих дубов стали длинными и резкими. Над передком повисла та вязкая, обманчивая тишина, которая бывает только после хорошего боя.

После отправки бойцов в медсанбат, я вернулась в жилую землянку своего отделения. Сбросила шлем на нары, растегнула липучки тяжёлого плитника и с наслаждением почувствовала, как плечи распрямляются под весом ушедшего железа. В углу, на самодельной горелке, уже закипал закопчённый чайник. Старшина, тот самый Дед, сидел у входа, аккуратно затачивая ножом колышек. Увидев меня, он просто кивнул на свободный край нар.

— Присаживайся, Кира. Чай сейчас поспеет.

Я опустилась на лапник, вытянула гудевшие ноги. Мужики вокруг занимались привычными делами: кто-то проверял снаряжение, кто-то чинил порванный ремень рюкзака, кто-то просто лежал, уставившись в бревенчатый потолок. Разговоры были тихими, ленивыми. Никто не обсуждал прика-

зы или высокие цели. Мужики говорили о доме: о том, как у кого в деревне сейчас сенокос, какой урожай яблок в этом году и сколько стоит собрать ребёнка в школу на «гражданке». В этих простых, бытовых словах было столько настоящей, живой силы, что я невольно заслушалась, зажав в ладонях тёплую эмалированную кружку. Пыль медленно оседала, подсвеченная косыми лучами заходящего солнца, пробивавшимися через узкую щель входа. Запах солярки и земли мешался с ароматом крепкого чая. Я сидела среди них, чувствуя на себе их спокойные, уже привыкающие взгляды. Я больше не была для них чужой, только что с учебки. Я была своим человеком — тем, кто сегодня в окопе не испугался крови и кто выгрыз у комбата шанс для их товарищей не остаться калеками. Постепенно разговоры стихли. Сверху, через толщу земли и брёвен, донеслось несколько тяжёлых, раскатистых взрывов — артиллерия работала где-то далеко на фланге. Но здесь, в землянке, было спокойно. Я отставила пустую кружку, легла на жёсткую подстилку и закрыла глаза, слушая мерное дыхание засыпающих бойцов. Первый день на линии огня заканчивался, и он оставил после себя только сухую усталость и понимание, что впереди будет ещё много таких дней — длинных, пыльных и бесконечных.

Глава 3

Утреннее умывание у стального рукомыльника немного сбило усталость. Я насухо вытерла лицо и руки вафельным полотенцем, заплела тугую косу, убрала её под каску и спустилась обратно в прохладную глубину ротного медпункта. В землянке пахло сухой сосновой хвоей, йодом и нагретым дёрном. На фанерном столе перед мной лежал вырванный из тетради листок бумаги. Карандаш лежился на бумагу твёрдыми, нажимистыми штрихами — я выводила заявку на докомплектацию медарсенала. Как фельдшер, я отличалась въедливой, бескомпромиссной жадностью до медикаментов. Мне было всё равно, сколько осталось на складе, какие там нормы и кому чего не хватит. Моя рота стояла на опорнике, и я собиралась выгрести всё, что возможно. Самую первую строку в рапорте я вывела крупными буквами и трижды подчеркнула: БИНТЫ — стерильные, эластичные, широкие, в максимальном объёме. За семь лет работы на вызовах и три месяца на раскалённом полигоне учебки я усвоила намертво: в серьёзном бою медицинские ящики пустеют с мгновенной, жуткой скоростью. Бинты на передке утекают быстрее, чем питьевая вода. Если перетянуть кровотечение на конечности боец в крайнем случае мог и собственным брючным ремнём, то закрывать огромные рваные раны, ожоги и пробитые грудные клетки без сотен рулонов прочной марли бы-

ло нечем. Следом в список легли гемостатики, давящие израильские бандажи, шприц-тубики с обезболивающим, антисептики, шины и противоожоговые гели. Сложив исписанный листок вчетверо, я спрятала его во внутренний карман кителя и плотно застегнула пуговицу. Надела бронежилет, привычным движением затянула боковые липучки, проверяя, как плотно сидят на груди под сумки с турникетами, и толкнула тяжёлый суконный полог на выходе.

Снаружи меня сразу накрыл сухой, плотный июльский зной. Солнце быстро поднималось над лесополосой, прокаливая воздух и выжигая последнюю утреннюю свежесть. Полевая форма под бронежилетом мгновенно стала тёплой; пахло разогретой смолой, пересохшей землёй и чабрецом. Я пошла по узкому, петляющему ходу сообщения, на ходу привычно сканируя обстановку. Позиции жили своей привычной жизнью. Чуть дальше по окопу со сухим, ритмичным звяканьем вгрызались в твёрдую глину лопаты. Двое бойцов, сбросив бронежилеты и оставшись в нательных майках, расширяли поворот траншеи, с коротким кряхтением выбрасывая тяжёлые пласты земли на бруствер. В боковом ответвлении ещё трое солдат на плечах подтаскивали к новой щели тяжёлое, сочащееся смолой сосновое бревно для перекрытия. Я двигалась дальше, отмечая состояние мужиков исключительно глазом врача. Навязывать осмотр и заставлять всех разуваться сегодня было не нужно: движения у бойцов были точными, спины держались ровно, в глазах не

прослеживалось той тяжёлой, лихорадочной мути, которая сопровождает инфекцию или высокую температуру. У расширения траншеи располагался наблюдательный пост. Один боец дежурил у перископа, не сводя глаз с выжженной солнцем линии горизонта, а второй через бинокль внимательно отслеживал чистое синее небо. Чуть дальше, за густой дубовой посадкой на взгорке, сквозь ячейки маскировочных сетей миноводом проглядывал силуэт зелёного кузова, над которым плавно и непрерывно вращалась круглая антенна станции разведки. За поворотом окопа, у входа в жилую землянку, на маленькой складной горелке закипал котелок. Из него доносился настолько густой, чистый и с ног сшибающий аромат заваренного с сухим чабрецом и мятой чёрного чая, что у меня во рту моментально скопились слюнки. Сидевший на корточках боец бережно подкармливал синее пламя горелки мелкой щепой. Рядом на деревянном ящике расположился ещё один парень. В руках он держал стопку потёртых конвертов и бережно разглаживал пальцами цветную фотографию.

— Смотрите, мужики, — с гордостью говорил он сидевшим рядом товарищам, — моя-то младшая в первый класс нынче идёт. Нарядили, как куклу!

— Вылитая ты, Поэт, — донёсся добрый смех из тени, — такая же вихрастая, только без автомата.

В этот момент со стороны балки донёсся надсадный рёв дизельного мотора, и по траншее раскатисто эхом прошёл

долгожданный голос старшины:

— Обед! Смена, разобрать котелки! Кухня приехала!

Клич старшины моментально изменил весь ритм позиции. По ходам сообщения прокатился гул, и возле расширения балки быстро образовалась небольшая очередь. Из кузова подошедшего грузовика мужики спрыгивали с тяжёлыми зелёными термосами в руках. Никто не устраивал долгих разговоров и не раскачивался. Звякали крышки, над балкой поплыл густой, аппетитный запах горячей гречневой каши, жирной тушёнки и заваренного лаврового листа. Разговоров не было вообще — стоял только дружный, торопливый стук алюминиевых ложек об армейские котелки. Мужики ели молча, быстро, согнувшись над посудой, чтобы не ронять ни крошки. Котелки опустошались буквально за пару минут, и бойцы без лишних слов тут же вставали в хвост очереди за второй порцией. Получив свою порцию, я села на срубленный пень у края траншеи и принялась за еду. Семь лет на Скорой приучили меня заглатывать обед в сменных перерывах за три минуты, пока диспетчер не бросил новый адрес. Каша была обжигающе горячей, жирной и сытной — организм жадно тянул калории после напряжённого утра. Я выскребла котелок дочиста, мгновенно вернулась к термосу, получила свою добавку и так же молча доела её, запив горячим чаем из эмалированной кружки. Едва кухня закончила раздачу, в балку втянулся ещё один грузовик, гружённый стройматериалами. Из крытого кузова мужики начали сно-

ровисто выгружать свежие стопки необрезной доски и плотные, тяжёлые рулоны новых маскировочных сетей. Старые покрытия на опорнике за июль выгорели под солнцем до рыжевизны и посеклись осколками, так что обновление маскировки было задачей первой необходимости.

Допив чай, я поправила бронежилет, нащупала во внутреннем кармане сложенный рапорт и пошла к КП. По дороге отметила, как мужики сноровисто выгружают доски и рулоны: маскировка стала задачей первой необходимости. На одном из поворотов траншеи двое бойцов уже заменяли прорванный пролёт маскировки. Они подняли на деревянных жердях свежую, широкую сеть и растягивали её над бруствером, закрывая ход сообщения от палящего солнца и чужих глаз. Я замедлила шаг и замерла. Сетка была совсем новой. Из-под натянутых капроновых нитей выбивались зелёные, защитные и коричневые полосы спанбонда, аккуратно вплетённые в ячейки частым узорным шагом. Я подошла к самой стенке окопа, подняла руку и осторожно, бережно прикоснулась пальцами к шершавой ткани. Подушечки ощутили жестковатый край искусственного полотна и прочный, вручную завязанный двойной узел. На какую-то долю секунды сухой июльский зной, запах солярки, тола и пересохшей глины растаяли. В памяти с щемящей отчётливостью вспыхнуло прохладное фойе Дома Культуры. Высокое остекление, длинная деревянная рама, тихий, мерный стук портновских ножниц у соседнего стола, гудение закипающего титана и

тёплый, родной голос Анны Степановны... Женские руки там, в далёком тылу, день за днём, час за часом резали эти ленты и ввязывали их в сетку, отдавая каждой петле своё тепло, свою тоску и свою молитву за тех, кто стоит за них на этой земле. И, возможно, что эти самые сети приехали сюда. Руки тех женщин, ставших моими подругами из ДК, дотянулись до переднего края, пытаясь укрыть нас от смерти. В груди больно и горячо кольнуло, дыхание перехватило. Из глаз покатались чистые, прозрачные слёзы и поползли по щеке. Я мгновенно, с силой смахнула их сухой тыльной стороной рукава кителя, пока натягивавшие сеть бойцы ничего не заметили. Сжала зубы, выдохнула горячий воздух, выпрямила спину и пошла дальше по траншее.

Суконный полог блиндажа КП я отдёрнула с привычной собранностью. Комбат сидел за фанерным столом, перебирая донесения и сводки. В блиндаже пахло сосновой смолой и заваренным чаем. Я подошла к столу, расстегнула пуговицу кармана, достала листок и выложила его перед командиром.

— Товарищ майор, разрешите доложить. Заявка на докомплектацию медицинского имущества первой роты.

Майор Воронов, с позывным «Ворон», взял листок, развернул его и медленно пробежал глазами по длинному списку. На первой же строчке, где крупными буквами и трижды подчёркнуто стояло слово БИНТЫ, его взгляд задержался. Он подпёр подбородок кулаком, посмотрел на меня из-под

нависших чёрных густых бровей, и в углу его губ проступила лёгкая, понимающая ухмылка.

— Валькирия... — негромко проговорил комбат, постукав ногтем по бумаге, — а не многовато ли ты запрашиваешь на одну роту? Твой список больше, чем у батальонного медпункта.

Я посмотрела ему прямо в глаза, прозвучав ровно, сухо и бескомпромиссно:

— Товарищ майор, меня не интересует, кому чего не хватит. Моя ответственность — за личный состав первой роты. Если завтра будет тяжёлый бой, у меня не будет права сказать: «Бинтов не дали».

Майор замер на секунду. Ухмылка с его лица пропала, а взгляд стал тяжёлым, весомым и глубоким. Он пристально всматривался в моё лицо, словно заново оценивая стоящую перед ним девчонку с реанимационной бригады.

— Валькирия... — произнёс он сдержанно и уважительно, — вот за это я тебя и уважаю. За твою бескомпромиссность в выполнении поставленного задания.

Комбат взял шариковую ручку, размашистым, быстрым росчерком поставил на верхнем поле листка свою визу и вложил рапорт в папку тылового снабжения.

Я откинула тяжёлый суконный полог и выбралась из прохладной глубины штабного блиндажа наверх. Июльский зной стоял плотным маревом; раскалённый воздух, пропитанный запахом пересохшей сосновой хвои и нагретого же-

леза, казалось, можно было резать ножом. Солнце медленно сползало к трём часам дня, выжигая последние тени в узких ходах сообщения. Двигаясь по траншее в сторону своего медпункта, я привычно отмечала детали позиции. Рота затихла в послеобеденном мареве, но за этим спокойствием чувствовалась постоянная, напряжённая работа. На повороте у входа в одну из жилых землянок второго взвода в нос ударил резкий, тошнотворный запах гнили. Я непроизвольно замедлила шаг и остановилась. Прямо на дне окопа, в самом углу у входа, под безжалостными лучами солнца высилась куча мусора. Вскрытые жестяные банки с остатками тушёнки, обрывки упаковок от сухпайков и недоеденная каша — всё это уже успело подернуться белёсым налётом и забродить. Над гадюшником плотным, гудящим облаком кружили жирные зелёные мухи, а тяжёлый дух разлагающейся еды забивал лёгкие. Рядом на самодельной скамье, сколоченной из ящичков, развалился молодой боец. Он лениво ковырял спичкой в зубах, щурясь на солнце и совершенно не обращая внимания на помойку под собственным носом.

— Убери этот гадюшник, — произнесла я, остановившись прямо перед ним. — Сейчас тридцать градусов. Через сутки тут такая дизентерия полыхнёт, что рота ляжет быстрее, чем от обстрела. Совсем мозги на солнце спеклись?

Боец медленно, с явным нежеланием, опустил спичку. Он окинул меня долгим, хамоватым взглядом, задержавшись на чистых погонах рядового и медицинском подсумке. На губах

его проступила кривая, издевательская ухмылка.

— Слышь, медик, тебе надо — ты и убирай, — лениво отозвался он, сплюнув в сторону. — Ты мне вообще кто такая, чтоб указывать? Погоны сначала покажи, а потом командовать будешь. Понаехали тут из учебки, жизни учить... Иди вон, пожалуйста комбату, может, конфету даст.

Я сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию. Внутри всё заледенело той самой холодной яростью, которая на Скорой помогала умирять самых буйных пьяниц в ночных дворах. Сощуриив глаза, я посмотрела ему прямо в зрачки и проговорила тихо, отчётливо вбивая каждое слово:

— А я не побегу жаловаться. Сама заставлю.

Парень уже открыл рот для новой колкости, но звук застрял в горле. Взгляд метнулся за мою спину, лицо побелело, а вся его развязность осыпалась, как сухая глина с бруствера.

— Рядовой Скоровская! — раздался за моей спиной густой, рокочущий бас, от которого по спине пробежал холодок.

Я вздрогнула, на одном рефлексе развернулась и замерла по стойке «смирно», прижав руки к бёдрам. Перед нами стоял командир батальона. Майор Воронов; густые чёрные волосы выбивались из-под фуражки. Автомат висел за спиной, прикладом вверх.

— Я, товарищ майор! — отчеканила я, глядя прямо перед собой.

Воронов медленно перевёл взгляд на вжавшегося в стенку

окопа бойца, задержался на гниющей куче мусора. В его глазах промелькнуло что-то пугающе холодное. Потом он снова посмотрел на меня.

— Ефрейтор Скоровская, принимай командование рядовым, — весомо произнёс комбат, словно вбивая гвозди.

На секунду у меня внутри всё замерло. Ефрейтор. Он называл меня ефрейтором — прямо здесь, в пыльном окопе, без строевого смотра и без приказа по части. Но голос майора звучал так, что спорить не хотелось, да и не нужно было: на позициях его слово — закон. А бумаги... бумаги оформят позже, когда будет время. Уголок губ сам собой дёрнулся в сухой, колючей ухмылке. Не от радости, а от того, что теперь у меня есть право ставить задачу, и никто не посмеет сказать «ты мне не командир».

— Есть, принять командование! — выдохнула я.

Майор скупо кивнул и, не добавив больше ни слова, последовал дальше по ходу сообщения. Тяжёлый стук его сапог по глинянному дну окопа, ещё долго висел в воздухе, перекрывая обычный гул позиций. Я медленно повернулась к застывшему парню. Тот стоял ни жив ни мёртв, лихорадочно сглатывая слюну.

— Фамилия, рядовой? — спросила я, и в моём голосе теперь звучала та самая уставная сталь, которая не терпит возражений.

— Рядовой Гусев... — пролепетал он.

— Рядовой Гусев, приступить к уборке территории! —

приказала я, глядя на него сверху вниз. — Выгрести весь этот гадюшник до чистой глины. Мусор в мешок и снести в яму. Время пошло. Пять минут, Гусев. Приступить!

— Есть... — выдохнул он, пулей бросаясь к углу за лопаткой.

Я стояла и смотрела, как он, не разгибая спины, лихорадочно выгребает тухлые жестянки в пластиковый мешок. Солнце продолжало калить воздух, а я развернулась и пошла к своему медпункту.

Глава 4

Дойдя до медблиндажа, я затормозила у бревенчатого входа и оглянулась. Там, у жилого блиндажа второго взвода, место, где ещё пять минут назад возвышался гниющий гадюшник, было выскребено до чистой сухой глины. Сам Гусев, мокрый от пота, на бегу возвращался из балки, держа в руках свёрнутый пустой мешок. Я опустила взгляд на циферблат наручных часов — прошло ровно четыре минуты. Управился, успел. Уголок губ дёрнулся в доброй, сдержанной ухмылке: молодец парень, понял всё правильно. Я отдёрнула тяжёлый суконный полог и спустилась в прохладную глубину блиндажа. Поставила рюкзак на фанерный ящик. Хотела перевести дух после дневного зноя — но успела сделать только один вдох. Над передним краем, пробивая толщу брёвен и заставляя вздрогнуть стены, раздался сорванный, предельно громкий доклад наблюдателя с поста:

— Движение в балке! Танки! Пехота!

Тишина июля рассыпалась в одну долю секунды. Земля под ногами гулко содрогнулась от далёких, но частых и нарастающих гусеничных ударов. Воздух над траншеей задрожал. По ходам сообщения загрохотали десятки подкованных армейских ботинок, зазвенели подсумки, наперебой щёлкнули затворы автоматов и пулемётов. Из соседнего блиндажа выскочил старшина. Раскатистый голос Деда моменталь-

но накрыл траншеею, перебивая поднимающийся гул:

— Рота, к бою! Занять сектора! Пулемёты на фланги! Гранатомётчики на передний край! Без команды из бойниц не высовываться!

Солдаты высыпали из укрытий. Никакой лишней суеты — бойцы мгновенно рассыпались по огневым точкам, прыгали к пулемётным расчётам, натаскивая цинки с патронами и зелёные тубусы гранатомётов. Через полминуты прямо в край лесополосы, метрах в пятидесяти от нас, без всякого предупредительного свиста врезался первый танковый снаряд. Чудовищный взрыв поднял к небу плотную тучу серо-рыжей земли, и только через секунду со стороны балки долетел тупой, тяжёлый грохот самого танкового выстрела. Вслед за танком заговорили миномёты. Воздух над окопами заполнился тонким, режущим визгом, сухим треском и сплошным гулом разрывов. По верху бруствера с коротким, злым щёлканьем забили пулемётные очереди. Над траншеей встал плотный, кислый запах тола, сгоревшего пороха и раскалённой на солнце сухой глины. Я натянула шлем, намертво затянула подбородочный ремень, проверила липучки плитника и подхватила тяжёлый тактический рюкзак за верхнюю транспортировочную петлю. Рюкзак тянул вниз, мешал ползти, но бросить его я не могла: в нём было всё, что могло удержать кого-то на этом свете ещё хоть на час. Выбравшись из медицинского блиндажа в окоп, я прижалась плечом к глиняной стене у бокового изгиба траншеи, отслеживая поле через уз-

кую щель между брустверными мешками. Вокруг стоял адский, оглушительный грохот: наши пулемёты рвали воздух густыми короткими очередями, с глухим хлопком и шипением вылетали гранатомётные гранаты, орали командиры, а над головой с визгом пролетали куски срезанных ветвей и раскалённые куски металла. Через тучу поднимающейся пыли, в метрах тридцати от бруствера, у поваленного сухого дуба, я увидела нашего бойца. Он вёл огонь из автомата, прижавшись спиной к обгорелому стволу дерева, но в какой-то момент резко дёрнулся, выронил оружие и тяжело осел на бок, судорожно зажав руками живот. Я подтянулась на локтях и перевалилась через сухой край бруствера. Упав прямо в раскалённую июльскую пыль, я прижалась грудью к земле. Вжимаясь в каждую неровность, ловя ушами свист пролетающих пуль и волоча за собой по сухой траве тяжёлый рюкзак, я по-пластунски, боком поползла вперёд, к лежащему у дерева солдату. Я преодолела последние метры по вязкой рыжей пыли и скатилась в небольшую ложбину возле поваленного дуба. Парень лежал на боку, судорожно скрючившись и прижав обе ладони к животу. Лицо его было серым от пыли и шока, губы шевелились в беззвучном шёпоте. На камуфлированном кителе прямо под правой рукой темнело рваное, уже пропитавшееся кровью пятно.

— Не крутись! Замри! — прокричала я ему прямо в ухо, сходу наваливаясь сверху, чтобы зафиксировать его на земле.

Рвать пуговицы на жаре было некогда. Я мгновенно схватила из разгрузки изогнутые атравматичные ножницы и с сухим треском разрежала плотную ткань кителя и нательную майку. Из распахнувшегося внутреннего бокового кармана на пыльную землю вывалился армейский блокнот в жёстком переплёте. Пуля прошила плотную обложку и спрессованные страницы, растеряв на этом ходу почти всю энергию. Вот оно — то самое везение: не плита, а стопка бумаги погасила удар. Я быстро проверила рану. Кровь шла, но толчкообразного фонтана не было. Свинцовая пуля, сплюснутая и покрытая бумажной крошкой, застряла в поверхностном мышечном слое живота, не пробив брюшину. Настоящее сказочное везение, спасшее ему жизнь. Не трогая инородное тело, плотно закрыла рану гемостатической салфеткой и туго зафиксировала израильским бандажом. Достав из рюкзака бандаж, я туго забинтовала живот эластичным бинтом, зацепила пластиковый рог и провернула его, создавая мощное давящее усилие на рану. Быстро нацарапала маркером время на липучке. Вцепившись обеими руками в верхнюю эвакуационную петлю его плитника, я на жилах втянула перевязанного бойца глубоко под защиту массивного ствола дуба и накрытых сухими ветками корней. Здесь его не могли достать случайные осколки. В этот момент земля под ногами содрогнулась от тяжёлого железного гула. Со стороны лесополосы, надсадно ревя дизелем, на наш фланг выскочил наш танк. Тяжёлая машина со скрежетом и железным лязгом заклады-

вала вираж, разворачивая башню. Я мгновенно прижалась к земле, лихорадочно просчитывая траекторию многотонных гусениц, чтобы ползущий за ними шлейф сухой земли не засыпал раненого и нас не смяло траками. И тут в пятидесяти метрах правее грохнул тяжёлый прилёт. Акустическая волна сфокусировалась и ударила по лицу горечью и горячим воздухом. В ту самую долю секунды, когда земля взвилась на воздух, я подсознательно широко приоткрыла рот, выравнивая внутреннее давление. Перепонки выдержали, но в голове всё равно мгновенно зазвенел тонкий, назойливый писк. Понимая, что бой в разгаре и следующий прилёт может быть ещё ближе, я быстро вскрыла упаковку стерильной марли, скрутила тугие турунды и глубоко затолкала их в слуховые проходы. Сквозь марлю оглушительный грохот сразу стал глухим, ватным, но давление на уши спало. Сгруппировавшись, я выскочила из-под дуба и по-пластунски, боком, подтаскивая за собой рюкзак, поползла к следующей свежей воронке от снаряда. На дне ямы, упёршись головой в глиняный осыпающийся откос, лежал боец. Каска с него слетела, оружие отлетело в сторону. Я скользнула к нему, упала на бок, быстро положила пальцы на сонную артерию и оттянула веко. Зрачки были огромными, не реагирующими на раскалённое июльское солнце, а под затылком уже запекалась густая тёмная лужа. Пульса не было. Ранение в голову оказалось смертельным. Я замерла на секунду, а затем коротким, привычным движением ладони опустила его веки. Сжавшись

в комок на самом дне воронки и давая уставшим мышцам несколько секунд отдыха, я подтянула ближе рюкзак и через клубы серо-жёлтой пыли и порохового дыма снова начала внимательно сканировать передний край глазами в поисках раненых. Время рассыпалось на отрезки: ползок, воронка, ножницы, бандаж — и снова вперёд. Руки работали на вбитом в подкорку автопилоте. Пальцы, сбитые о сухие глиняные комья, плохо слушались, солёный пот застилал глаза под шлемом, но я продолжала сканировать поле перед собой. Каждая воронка, каждый поваленный ствол дуба или сухой бруствер превращались в цели. Если там лежал наш боец — я ползла туда. Наш танк на фланге снова взревел, меняя позицию. Тяжёлая машина с железным лязгом заложила вираж, засыпав окоп шлейфом подброшенной травы и земли. Поле вокруг жило своей страшной, оглушительной жизнью: рвали сухой воздух пулемётные очереди, гремели выходы гранатомётов, а над самой землёй со злым, режущим визгом пролетали раскалённые осколки. Я двигалась по-пластунски, прижимаясь к земле, волоча за собой свой рюкзак. Налокотники и камуфляж на коленях давно протёрлись от вязкой рыжей пыли. Во рту стоял сухой, горелый вкус порохового дыма и тола, от которого драло горло. Перемахнув через очередной сухой бруствер, я скатилась на дно глубокой свежей воронки. Перевела дыхание, с трудом сглотив сухую слюну, и на секунду прижала лоб к своим рукам, которые я подложила под голову. Мышцы горели от дикого, непрерывного напря-

жения, но останавливаться было нельзя. И тут привычный, гудящий шум боя изменился. Высоко над лесополосой, пробивая сплошной грохот артиллерии, прорезался короткий, хлесткий хлопок, будто в небе разорвали плотную ткань. Я рефлекторно вжалась в сухую глину, подняв взгляд к выцветшему от зноя белёсому июльскому небу. Высоко над передним краем распустилось сероватое облачко, и прямо из него веером, осыпаясь частым, плотным чёрным горохом, пошли вниз десятки мелких точек. Они падали быстро, рассеиваясь по всей площади поля. Кассеты. Через две секунды сухая земля вокруг взволновалась. По полю прошёлся злой, дробный, оглушительный треск. Десятки мелких, злых взрывов начали рвать траву и воронки один за другим. Земля вспучивалась частыми серыми фонтанами, а воздух заполнился сплошным, визжащим шуршанием тысяч мелких металлических цилиндров, секущих всё на своём пути. Я сходу зарылась лицом в сухую рыхлую пыль на самом дне воронки, намертво прижав шлем руками и подогнув колени к животу. Земля сверху содрогнулась, и на спину густым сухим дождём посыпалась выбитая глина, перемешанная с обрезками сухой полыни. След за осыпающимся грунтом по крутому откосу воронки, тихо шурша сухими стеблями, ко мне подкатился тусклый, серый, небольшой металлический цилиндр. На его боку темнели мелкие царапины, а сверху болтался обрывок капроновой ленты. Железка мягко уткнулась в глину и замерла ровно в десяти сантиметрах от моих за-

стывших пальцев. Внутри всё оборвалось и заledenело. Вся суeta боя, грохот танка и свист пуль мгновенно пропали — осталась только эта серая банка в сухой траве. Любая детонация, любой случайный толчок или неосторожное движение коленкой означали конец. Я замерла, боясь сделать даже самый микроскопический вдох.

Глава 5

Пальцы застыли над сухой глиной, а в десяти сантиметрах, среди ломкой травы, замер серый металлический цилиндр с обрывком ленты. Холодный пот мгновенно прошиб спину под тяжёлым плитником, вышибая из головы лишние мысли. Вокруг всё так же рвалось и гремело, но прямо здесь, на дне воронки, время словно загустело. Я затаила дыхание — даже не пыталась вдохнуть. Боялась, что малейшее движение может стать последним. Медленно, миллиметр за миллиметром, начала отводить правую руку назад. Пальцы двигались плавно, без рывков, ощущая каждую травинку. Зафиксировав руку, я упёрлась носками ботинок в осыпающийся глиняный откос и сантиметр за сантиметром поползла спиной назад, отжимаясь на локтях и не сводя глаз с тусклой жестянки. Только когда между мной и кассетой легло метра два сухой земли, я разрешила себе выдохнуть. Выбравшись из воронки, я приподняла голову над ломким бурьяном и оглядела поле перед собой. Июльское солнце стремительно сползло к лесополосе, окрашивая тяжёлые тучи пыли в багрово-рыжие тона. Приближались предвечерние сумерки. Над выжженной травой просматривались десятки таких же тусклых металлических цилиндров — кассетный удар щедро засеял всю полосу перед ротным опорником. Я поняла, что с наступлением темно-

ты это поле превратится в верную смерть. Искать раненых и пробираться сквозь неразорвавшиеся субэлементы в абсолютной тьме было безумием: можно было оступиться или наехать коленкой на первую же жестянку. Нужно было прямо сейчас, пока солнце окончательно не зашло, проложить и намертво запомнить в голове чистую, безопасную тропу от переднего края к брустверу наших траншей. Выбрать ориентиры — вывороченный пенёк, одинокий дуб, заметную воронку — и набить коридор, свободный от кассет. Я залезла рукой в свой тактический рюкзак. Пальцы обшарили дно фанерного отсека и нащупали только один-единственный, последний плоский израильский бандаж. Всё остальное было израсходовано. Запас бинтов ушёл без остатка. За густым кустом дикой акации, метрах в пятнадцати левее, донёсся тяжёлый, сдавленный хрип. Я прижалась к земле и боком, сканируя глазами каждый сантиметр пыли перед локтями, поползла на звук. За кустом, упёршись спиной в вывороченный дёрн, лежал боец. Каска съехала на затылок, лицо было белым, в капельках пота, а правая нога ниже колена висела под неестественным, страшным углом. На сухой траве расплывалась тёмная лужа. Это был Гусев. Тот самый парень, с которым ещё несколько часов назад мы ругались у жилого блиндажа. Он узнал меня, судорожно сглотнул и сжал зубы, пытаясь не кричать от дикой боли. Я подтянулась ближе, на секунду освободила левую руку и подняла её к голове. Пальцами нащупала в слуховых проходах плотные марлевые

турунды и выдернула их наружу. Ватный, глухой мир мгновенно лопнул. В уши с новой, оглушительной силой ударил концентрированный грохот затянувшегося боя — сплошной визг осколков, сухой треск автоматов, хриплые команды и тяжёлые, частые прилёты миномётов.

— Замри, Гусев, — негромко проговорила я, скатываясь к нему в углубление. — Выше колена цело, перебита голень.

Я мгновенно достала из бокового кармана рюкзака складную проволочную шину Крамера. Быстро приложила шину к его голени, пальцами прогнула проволоку по контуру ноги, чтобы она легла ровно, и тут же зафиксировала бандажом. Разорвала упаковку зубами, плотно притянула сломанную кость, закрутила рог, создавая жёсткий давящий каркас. Парень шипел, впиваясь ногтями в сухую землю, но молчал. Рюкзак опустел окончательно. В нём не осталось ни одного перевязочного пакета.

— Всё, Гусев. Нога зафиксирована, — я сорвала с его разгрузки эвакуационную стропу с карабином, зацепила её за верхнюю петлю его плитника, а второй конец с широкой петлёй накинула себе через плечо и грудь. — Подниматься нельзя, поле усыпано кассетами. Буду тащить тебя на буксире. Держись за стропу, если сможешь.

Я перевернулась на живот, легла лицом в пыль и упёрлась носками ботинок в землю. Гусев, чувствуя, как натягивается стропа, посмотрел на меня из-под окровавленного лба и сипло, с трудом выталкивая слова, проговорил:

— Валькирия... брось меня. Сама ползи. Не вытащишь...

Стропа врезалась в плечо, будто стальной трос, но я не ослабляла хватку: если я сейчас отпущу, он останется там, на поле кассет, один. Я натянула стропу сильнее, повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза:

— Отставить, рядовой!

Гусев судорожно сглотнул, закрыл глаза и отчеканил провалившимся голосом:

— Есть отставить...

Я вжала локти в сухую глину и сделала первый рывок вперёд. Стропа натянулась, въедаясь в плечо через ткань кителя. Гусев тяжело застонал сзади, но поддался, увлекаемый мной по колее. Я двигалась по-пластунски, сантиметр за сантиметром, впиваясь взглядом в сухую траву перед глазами, огибая серые металлические цилиндры, запоминая каждый поворот, каждый ломкий куст и каждую воронку. Я запоминала тропу не глазами — я прожигала её локтями и коленями: вот сухой пенёк, вот тень дуба, вот острый край воронки. Каждый сантиметр вбивался в мышцы, чтобы потом, в темноте, я могла пройти здесь не задумываясь. Стропа резала плечо даже через плотный камуфляж и бронежилет. Гусев за спиной тяжело, сдавленно выдыхал сквозь стиснутые зубы на каждой кочке, стараясь не задевать повреждённой голенью выжженную землю, но упрямо держался за эвакуационную стропу. Каждый метр давался с боем. Локти горели от ссадин, под шлемом по лицу катился горячий, ед-

кий пот, застилая глаза. Пыль забивала рот при каждом вдохе, но я упрямо тащила его за собой, сантиметр за сантиметром огибая рассеянные в июльской траве серые цилиндры кассет. Прямо перед нами, на бруствере траншеи, яростно и густо забил наш тяжёлый пулемёт. Пулемётчик сквозь пыль и копоть заметил нашу цепочку. Прижав приклад ПКМ к плечу, он зажал спуск и длинной, раскатистой очередью накрыл дальнюю посадку соперника. Очередь шла так плотно, что воздух над моей спиной гудел, как натянутая струна. По шлему хлестнули сухие щепки, в лицо ударила горячая волна пороха, но я вцепилась в землю и рванула стропу вперёд. На этом огненном прикрытии я выжала из себя последние силы, впилась носками ботинок в сухую глину и рванула стропу вперёд. Мы преодолели последние пять метров, и голова Гусева уткнулась во внешний откос нашего бруствера.

— Держи! Подтягивай! — проорал сверху раскатистый голос Деда.

Над глиняным краем окопа показались руки в запylённых тактических перчатках. Помощник пулемётчика и старшина перегнулись через насыпь, цепко ухватили Гусева за верхние лямки бронежилета и с сухим кряхтением перевалили его тело через бруствер на дно траншеи. Я сбросила с плеча натянутую стропу, перекатилась боком и сама скатилась следом за ними на глиняный пол окопа. Лёгкие горели огнём, сердце колотилось где-то у самого горла, а руки крупно, судорожно дрожали от предельного перенапряжения. Бойцы

быстро подхватили стонущего Гусева под мышки и осторожно поволокли его по ходу сообщения в глубокое укрытие. Я пролежала на спине секунд тридцать, глотая горячий воздух, а затем, цепляясь пальцами за выступы глиняной стены, заставила себя подняться. По ходу сообщения я двигалась короткими рывками: прижаться к стене, осмотреться, рвануть вперёд, снова прижаться. Так, не теряя ни секунды, я почти бегом добралась до своего медицинского блиндажа, отдёргнула тяжёлый полог и спустилась в прохладную темноту. На стеллаже стояли фанерные укладочные ящики. Я сорвала крышки и принялась лихорадочно забивать опустевший рюкзак. Руки работали на автопилоте: рулоны широких стерильных бинтов, эластичные повязки, гемостатические губки и давящие израильские биндажи ложились в отсеки плотными, ровными рядами. Я набила рюкзак до самого верха, натянула лямки, проверила турникеты на груди и сразу вернулась на выход. Когда я выбралась из блиндажа, солнце уже опустилось к краю горизонта. На передний край опускались плотные, багрово-синие сумерки. Бой не затихал — на флангах продолжала глухо ухать артиллерия, а в небе над полем с длинным шипением вспыхивали и медленно опускались осветительные ракеты. Я достала из подсумка свежий рулон широкого стерильного бинта. Зубами надорвав край, я рванула марлю на полосы, стараясь делать их ровными, но пальцы не слушались. Перевалившись через бруствер, я снова поползла на выжженное поле, двига-

ясь строго по тому самому безопасному коридору, который запомнила во время буксировки Гусева. Каждые три-четыре метра я останавливалась. Ложась на бок и вжимаясь в пыль, я туго завязывала двойным узлом белые марлевые ленты на ломких ветках акации, на вывороченных корнях и на острых глиняных краях проверенных воронок. Марля белела только в призрачном свете осветительных ракет. В остальное время я шла по памяти и по ориентирам: пень, дуб, край воронки. Каждая лента была не просто меткой — она была подтверждением, что я не сбилась с тропы. Полосы бинта выстраивались в едва заметную для чужих, но чёткую для меня нить, уходящую вглубь горящего поля. Мой собственный безопасный проход, по которому теперь можно было уверенно двигаться вперёд и вытаскивать наших бойцов. Солнце окончательно скрылось, уступив место густым, багрово-синим сумеркам, которые стремительно перетекали в тяжёлую, непроглядную июльскую ночь. Звуки боя отдалились, сместившись глубже в зелёнку и балку, откуда теперь доносилось лишь редкое, глухое уханье миномётов и сухой, ленивый треск отдельных автоматов. Наше поле накрыла вязкая, давящая тишина. Двигаться во весь рост было нельзя. Я поползла вперёд, ориентируясь строго по своей разметке. В холодном свете взошедших звёзд и Луны белые марлевые лоскуты были хорошо видны. Особенно четко они проявлялись в коротких вспышках ракет, и этого хватало: я шла по ориентирам, а ленты служили подтверждением, что тропа верна.

Каждая повязанная лента была как крошечный маяк, указывающий чистый от кассет коридор. Я добралась до ложбины у поваленного дуба. Парень с пробитым животом, которому я днём наложила бандаж, лежал на боку, свернувшись калачиком. Он дышал часто, прерывисто, вжимаясь в осыпающуюся глину. Я дотянулась до его плитника, защёлкнула карабин эвакуационной стропы за верхнюю петлю на спине и пропустила ремень через своё плечо.

— Потерпи, — негромко шепнула я, перекатываясь на живот.

Транспортировка в полной темноте превратилась в изматывающую, глухую пахоту. Тяжёлое, обмякшее тело раненого тормозило на каждом бугре, стропа мёртвой хваткой въедалась в ключицу через ткань кителя. Локти и колени горели, лицо заливал солёный пот, но я упрямо ползла, сверяясь с белыми блёстками марли. До бруствера траншеи оставалось метров семь. В окопах стояла напряжённая тишина. Пулемётный расчёт не стрелял, чтобы не выдавать позиции, но я видела, как над насыпью беззвучно шевельнулись тёмные силуэты.

— Принимай, — сипло выдохнула я, утыкаясь каской в глиняный откос.

Сверху молча перегнулись две фигуры. Дед и пулемётчик без единого звука ухватили раненого за лямки бронежилета и втащили его в окоп. Следом, цепляясь пальцами за выступы, перевалилась я, тяжело рухнув на колени на дно тран-

шеи. Спасённого парня сразу унесли в темноту блиндажа. Я осталась сидеть, привалившись спиной к сырой стене окопа. Мышцы крупно дрожали от усталости, лёгкие со свистом глотали прохладный ночной воздух. Я вытерла лоб рукавом, посмотрела на свои грязные ладони и на чёрное поле впереди, где в темноте всё ещё слабо белели марлевые полосы. Ночь только начиналась, а впереди было ещё слишком много работы.

Глава 6

Я резко вскинула голову и распахнула глаза. Спина затекла и ныла, упёршись в бревенчатую стену у входа в мой медицинский блиндаж. В голове гудело, а во рту стоял отвратительный, горький привкус гари, пыли, остывшего пота и тола. Вспышка памяти резанула мозг: белые нити марли в темноте, сбитые локти, тяжёлое дыхание раненых — и тот момент под утро, когда сил не хватило даже на шаг за порог. Я просто припала к брёвнам и провалилась в сон. Я бросила взгляд на циферблат наручных часов. Прошло примерно два часа. Двухчасовой сон после мокрого от крови и пота штурма, после кассетного поля, после того, как я тащила людей на стропе. Тело отозвалось на попытку шевельнуться глухой, вязкой болью. Казалось, по мне проехался гусеницами тот самый танк: плечо, куда врезалась эвакуационная стропа, отяжелело, налившись свинцом, суставы горели, а ладони покрылись жёсткими, запёкшимися корками сукровицы. Но валяться было нельзя. Вокруг позиционного района тянулось раннее, вымотанное июльское утро. Над траншеями висел густой предрассветный туман, перемешанный с низкой гарью и сизым дымом от костров. Опорник жил своей суровой, утренней жизнью после ночного ада. Солдаты шумно не разговаривали. По траншеям шёл привычный, усталый лязг — бойцы по привычке разбирали автоматы, протирали

затворы, набивали патронами магазины и укладывали цинки в ниши. Никто не отменял утреннюю проверку оружия. Все валились с ног после ночного боя без сна, под глазами залегли чёрные тени, но каждый знал, что расслабляться рано. Метрах в двадцати от меня, чуть в стороне у края балки, под тёмными брезентовыми плащ-палатками лежал ряд ровных, неподвижных тел. Двухсотые. Их аккуратно собрали и укрыли плащ-палатками, выстроив в ряд у края балки. Ждали первой машины, чтобы увезти в тыл. Рядом, у тылового выхода из траншеи, ожидали своей очереди тяжелораненые — те, кого мы вытащили. Бойцы из смены аккуратно укладывали их на носилки, закрепляя ремнями. Я с трудом распрямила затёкшие колени, оперлась ладонью о шершавое бревно и поднялась на ноги. Земля качнулась, но я устояла. Сделав шаг, я заглянула в прохладную полутьму своего медицинского блиндажа. Быстро проверила укладку. Пальцы цеплялись за края коробок, суставы ныли, но руки сами знали, что искать: скудные остатки бинтов, две упаковки биндажей, шприц-тюбики. Всё, что осталось после вчерашнего боя, было на месте, но этого было до обидного мало. Надо было пройти по позициям, проверить бойцов, сменить у кого-то повязку после ночи или просто дать обезболивающего тем, кто стискивал зубы впотьмах. Война не делала скидок на время суток, и утро нового дня уже вступило в свои права. Я перекинула рюкзак через плечо и медленно пошла по ходу сообщения первой роты. Каждое движение отдава-

лось тупой, тянущей болью в забитых мышцах. Плечо, куда всю ночь врезалась эвакуационная стропа, налилось тяжестью, спина не разгибалась, а под ногтями намертво въелась сухая глина. Но я шла с прямой спиной, понимая, что сейчас на меня смотрят все те, кто удержал этот проклятый опорник. Умывшись у раковины, я пошла дальше. Бойцы сидели у выходов из блиндажей, молча чистя оружие или перевязывая друг другу лёгкие ссадины. При моём появлении они поднимали глаза. В их взглядах уже не было прежней снисходительности — только усталость и что-то, похожее на уважение. Короткий кивок, приподнятая рука — на войне это ценилось дороже орденов. Я останавливалась у каждого земляного кармана, где заступали на утреннее дежурство бойцы.

— Как голова? — тихо спрашивала я, присаживаясь на корточки перед молодым парнем с бледным лицом. — Не тошнит? Звон в ушах прошёл?

— Терпимо, сестрёнка, — криво улыбался он в ответ, сжимая в руке автомат. — Жить буду.

— Будешь, — подтверждала я, проверяя тугую повязку на его плече.

Я шла дальше по траншее, проверяя состояние личного состава, раздавая простые таблетки от головной боли и заменяя грязные марлевые повязки тем, кто получил лёгкие осколочные в суматохе ночного боя. Рота держалась, сцепив зубы, переваривая вчерашний ад. У тылового выхода из тран-

шей, где полевая дорога подходила ближе к позициям, уже стояла тыловая машина. Рядом на свежих брезентовых носилках лежали тяжелораненые, подготовленные к утренней эвакуации. Санитары заканчивали крепить ремни. Я замедлила шаг, проходя мимо. На крайних носилках лежал Гусев. Его забинтованная нога в жёсткой проволочной шине была аккуратно вытянута, лицо осунулось, а под глазами залегли тёмные тени от пережитой боли и потери крови.

— Товарищ ефрейтор... — хрипло окликнул он меня, едва я поравнялась с ним.

Я остановилась, опустила рядом на колено и посмотрела ему в глаза. Было заметно, как тяжело ему даётся каждое слово.

— Слушаю, Гусев, — ответила я ровно.

Гусев сглотнул сухую слюну, отвлѣкшись на секунду, а затем посмотрел на меня прямо, без прежней напускной дерзости или заносчивости. Военная мясорубка выбила из него всю шелуху.

— Спасибо тебе, Валькирия... то есть, товарищ ефрейтор, — выдохнул он, едва сдерживая судорожный вздох. — За вчерашнее. Если б не ты, лежал бы я там, в той воронке. Век не забуду. И прости за дерзость.

Я посмотрела на его забинтованную ногу, на свежие пятна сукровицы, и внутри всё сжалось. С такой ногой он больше не встанет в строй. Его война закончилась.

— Забудь, Гусев, — негромко произнесла я, коротко кос-

нувшись пальцами края его брезентовых носилок. — Твоя война закончилась. С такой ногой тебя теперь только домой комиссуют. Так что давай — езжай к семье, живи спокойно. За двоих жить будешь.

Гусев судорожно сглотнул, в глазах его мелькнуло горькое, но вместе с тем светлое облегчение. Он тупо кивнул, соглашаясь с неизбежным:

— Спасибо, ещё раз.

Санитары подхватили носилки, осторожно приподняли их и задвинули в тёмный кузов подошедшего грузовика. Машина глухо заурчала мотором, тяжело переключила скорость и медленно покатила назад, увозя раненых туда, где не стреляют. Я поднялась с колен, стряхнула с ладоней сухую, въевшуюся глину и снова пошла по позициям. Впереди был ещё целый день, и нужно было делать то, что я умела лучше всего. После обхода я добрела до входа во второй жилой блиндаж. Из узкого бревенчатого зева тянуло блаженной, густой прохладой, которая скопилась под тяжёлым накатом брёвен и земли за ночь. На улице уже начинало припекать, и этот контраст казался спасительным. Рядом со входом, на плоском обломке снарядного ящика, сидел Дед. Между колен у него стояла маленькая походная газовая горелка. Синее пламя с тихим, ровным шипением облизывало бока закопчённого армейского чайника. Чуть в стороне расположился пулемётчик, методично протирая ветошью тяжёлую затворную раму пулемёта. Дед молча взглянул на меня, сдвинул брови

и просто кивнул на свободную чурку рядом. Сбросив рюкзак на землю, я тяжело опустилась на дерево. Спину тут же прошибло тупой, вязкой болью, а плечи заныли так, словно под камуфляжем лопнула кожа. Руки мелко, неуправляемо задрожали. Чайник закипел, забрякав крышкой. Дед выключил газ, бросил в жестяную кружку щепотку крупнолистового чёрного чая и плеснул туда крутого кипятка. Густой, терпкий запах заварки мешался с утренним запахом гари и сырого дёрна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.